

СХВАТКА

Всю свою жизнь старик Коммо провел в тундре и знал только один населенный пункт — небольшой поселок Хаилино, расположенный на том самом месте, где полуостров Камчатка вторгается на материк. Город он впервые увидел, когда ему пошел седьмой десяток. Коммо был отличным каюром, прекрасным оленеводом и еще славился на всю округу как отважный охотник. Но вдруг занемог. Внезапно отказали ноги. Лечился он в городе, в областном центре.

Дело продвигалось медленно. Надежды на полное выздоровление, пожалуй, не было. Но нельзя сказать, что медицина не помогла. Вскоре он стал передвигаться с помощью костылей. А через несколько лет до того осмелел, что даже на собачьей нарте подался в табун, который находился в открытой тундре, далеко от Хаилино.

Оленеводы тогда обрадовались, увидев своего бывшего бригадира, но Коммо был печален. Он никак не мог смириться, что возврата к прошлому не будет.

Прошло десять лет. В город Коммо больше не ездил: перестал верить врачам. Все чаще и чаще он ловил себя на том, что думает о древнем обычае тундры, который касается только мужчин. Если пастух стар, слаб и не в силах перегонять оленей по крутым и пологим сопкам, чтобы спасти их от гибели во время обледенения тундры, он должен вернуться в поселок к своей старухе. Но настоящий оленевод, родившийся в тундре, выросший в тундре и проживший всю свою жизнь в тундре, не может скоротать остаток своих дней в тихом поселке. Он слишком быстро начинает сдавать, хиреть и под конец, чтобы не стать в тягость молодым, уходит в тундру, чтобы никогда больше не вернуться. Таков древний обычай.

Коммо ушел в тундру тихой морозной январской ночью. Никто в доме ни о чем не догадывался: мало ли было случаев, когда старик, ничего никому не сказав, отправлялся в табун, в бывшую свою бригаду. Ушел на аргизе, запряженной двумя молодыми, крепкими оленями.

Старик не гнал оленей. Он не торопился. Думал о том, что они могут погибнуть после его смерти. Ведь он им давно отпилил рога. Так делают у коряков испокон веков: ездовым оленям отпиливают рога. Оленям легче, и каюру удобно запрягать и распрягать. Но что за олень без ветвистых рогов? Что он может сделать против волка? Именно поэтому старик решил, что всякий раз, когда он будет устраиваться на ночлег, непременно развяжет оленей. В случае чего они могут спастись бегством и вернуться домой. А с аргизой долго не походишь. Без каюра аргиза может застрять где-нибудь в кустарнике, в кедраче. Такое бывало. Если даже волки не настигали, то олени погибали от голода.

Еды было вдоволь: юкола — вяленая слабо-соленая красная рыба и строганина, — нарезанная тонкими кусками сырая подсолоненная оленина. Да и ружье время от времени приносило трофеи — то зайца, то куропатку. Соболя старик уже не трогал: зачем переводить добро? Все равно мясо не съешь, а шкуру некому сдавать. Он давно уже убил своего последнего соболя и не помнит, как это произошло.

Одно было плохо: кончился чай и спички были на исходе. Но и это старика не волновало. Скорее радовало, даже как-то подзадоривало. Ему хотелось увидеть себя в последней в своей жизни борьбе... В схватке со смертью.

Коммо не умел ни читать, ни писать. Нелегкая жизнь в тундре, песни корякских женщин и легенды, рассказанные стариками, — вот и вся его школа. Голова его не была забита излишней информацией, и, может, поэтому он на многие годы запомнил рассказ своего лечащего врача в областной больнице о старике яхтсмене.

Коммо тогда, намаявшись от немощи и непрекращавшихся болей в ногах, разоткровенничался и поведал врачу о древнем обычае в тундре. Тот, в свою очередь, рассказал, как один старый английский яхтсмен, мореплаватель-одиночка, решил уйти в иной мир. А для старого морского волка и мир иной, и мир этот — все заключалось в одном слове «океан». Всю свою долгую жизнь моряк провел в океане на своей яхте, которой он дал имя «Маленькая одиночка». И вот моряк, почувствовав, что силы покинули его, решил выйти в океан, чтобы больше не вернуться. В открытом океане он оставил свою «Маленькую одиночку» и добровольно шагнул в пучину волн.

Старый яхтсмен был близок по духу старому каюру. Коммо не раз на плоскодонке ходил по Олюторскому заливу, но дале-

ко к горизонту, к открытому океану никогда не приближался. Он жил на берегу океана, но, по сути дела, никогда не видел его. Он чувствовал океан. Не видя его, восхищался им и побаивался. И еще ощущал, что тундра очень похожа на океан. Те же бескрайние просторы, та же круговерть во время пурги, тот же вертеп неба и земли во время урагана, то же разнообразие красок горизонта на восходе и заходе солнца и та же неопиcуемая красота.

Вот и последняя спичка. Убедившись, что она действительно последняя, Коммо припрятал ее подальше, решив, что к последнему костру надо готовиться особо.

Две недели он жил без костра и две недели обходился без кипятка. Такого не помнил никогда: уж что-что, кипяток он пил всегда и даже на день по нескольку раз. А тут две недели. Ел мерзлые куски рыбы и жажду утолял снегом. Спал прямо на аргизе в своей двойной кухлянке, предварительно распрягая оленей. Каждую ночь во сне видел костры. Он грелся у огня и подставлял ладони острым языкам пламени. Часто просыпался среди ночи и ловил себя на том, что громко стонет. И всегда почему-то ему было неловко от этого, словно стыдился тундры, ночи, оленей.

Просыпаясь ночью, он до утра уже не мог сомкнуть глаз. Он глядел в черное небо и старался ни о чем не думать. Но не думать не мог. «Невестка у меня хорошая. Сыну будет хорошо с ней. Получили квартиру. Зовут меня к себе. Я не пошел. Не могу. Хочется поиграть с внуками, но не могу к сыну в новый дом, в новую семью. Нельзя быть молодым в тягость. Был я когда-то хозяином в этом мире, теперь гость. И вести себя должен как гость».

Он уже замечал, что когда небо звездное, то ломоты в теле и боли в ногах не чувствовал. В каждой звезде он видел оленя, и небо ему казалось тундрой. Он пас звезды и забывал о себе. Порой, спустившись на землю, он в черной тишине прислушивался, как, похрапывая и посапывая, чуть поодаль спят олени. Его верные друзья. Ездовые олени, которых он приручил.

Коммо уже знал, что, как только засветлеет небо, олени лениво поднимутся на ноги, осмотрятся, не спеша отойдут в сторону и начнут копытами бить по снегу: раз-другой, еще и еще. При глубоком снеге иногда приходится рыть огромную яму. И они это делают ловко, без усталости и даже как-то весело. Они хорошо знают, что раз копыта пробивают снег, значит, ненавистного льда нет, значит, непременно доберутся до зем-

ли. А там... Там настоящий пир: вкусный, сочный, сладкий ягель с красивыми крохотными зелеными листочками и нежными веточками.

Коммо прислушивался, как олени, чмокая, едят ягель, и душа его в такие моменты радовалась безмерно. Всю свою жизнь он провел с оленями, отдал им так много сил. Без них не было бы никакого смысла в жизни. Собственно, так оно и вышло под конец: приболел, понял, что уже не нужен оленям, и миг потерялся всякий смысл в жизни.

Однажды старик проснулся ночью от сильных болей в ногах. Его лихорадило. Тяжело было дышать. Несколько раз приподымался на локтях, силился встать, но не мог.

«Это конец. Как тихо вокруг! Безветрие. Давно не было пурги. Очень тихо. Шаманы говорят, что когда человек рождается в пургу, то умирает в пургу. Ошибаются шаманы. Мать рассказывала, что я родился в страшную пургу. А сейчас такая тишина. Врут шаманы. Это конец.

Хорошо, хоть олени развязаны. Нет ничего прекраснее оленей. Скоро начнется отел. Сколько я их, маленьких кривоногих оленят, принимал на свет. Выращивал, и они меня после узнавали. Табун из года в год обновлялся, но это было совсем незаметно. Так что для меня олени не менялись. Вот и этих двоих, лежащих рядом, я помню, когда еще они были маленькими. Приучил к ездовой жизни. Они мне верно служили. Это мои последние друзья. Хорошо, что я их развязал.

Как тихо вокруг! И все-таки врут шаманы. Это мой конец — и такая тишина. Холодно. Спичка... Последняя спичка. Последний костер. Я уже забыл, каким был мой последний костер. Нет, то был предпоследний... А последний я должен разжечь сейчас. Надо успеть. Я должен в последний раз согреться у костра, поглотать дым от сырого кедрача, выпить кипятку. У меня для этого еще есть силы...»

После нескольких попыток Коммо присел и, немного отдохнув, свесил ноги, едва касаясь подошвами торбасов земли. Превозмогая стреляющую боль в ногах, встал и, чтобы не потерять равновесие, раскинул руки в стороны. Сделав робкий шаг, остановился. Устоял. Еще шаг: ничего — получалось. Поковылял дальше, врезываясь в жуткую темноту ночи. Ему, собственно, было все равно — ночь или день. Тундру он знал так же хорошо, как повадки оленей.

Коммо передвигался так, словно ощупывал землю ногами. Так он искал под снегом припечатанные к земле ветки кедрача.

Набрав охапку дров, он с трудом дотащил ее до аргизы. Здесь же рядом, встав на колени, начал разгребать снег, чтобы костер не оседал. Руки работали хорошо, чувствовал он в них силу, и это его утешало.

Старик достал из деревянных ножен тяжелый, видавший виды нож и от сухой веточки кедрача начал стругать тоненькие полукольца. Горсть стружек бережно положил на дно ямы. Он очень волновался, но движения его были спокойны, будто он совершал ритуал. Коммо вытащил из кармана кусок обгорелой расчески, потом, все так же не торопясь, достал из-за пазухи завернутый в тряпку спичечный коробок и извлек из него единственную спичку. Теперь главное — не оплошать. Бывало, на спор при сильном ветре прикуривал, используя одну-единственную спичку. Но это было давно. Даже и не помнит когда, потому что очень давно бросил курить.

Спичка не успела фыркнуть, как оказалась в полузакрытой ладони. Тотчас же старик поднес обгорелую расческу к пламени. И только когда она вспыхнула, разжал пальцы. Теперь уже можно не волноваться. Такой факел будет гореть даже под проливным дождем на сильном ветру.

Он поджег горсть стружек, разложил сверху тонкие сухие веточки и, немного подождав, стал все смелее и смелее подкладывать дрова. Горящий конец расчески воткнул в снег и хотел было вновь положить в карман, но будто кто схватил его за руку: «А зачем это теперь? Вот горит последний мой костер. Как весело горит! Не нужна теперь больше расческа. Но и выбросить жалко. Рука не поднимается. Выбросить то, что помогает сотворить огонь, — это несправедливо. Пусть уж лучше останется со мной. Мало ли кому она может понадобиться после смерти хозяина? А в снегу она совсем затеряется. Это несправедливо...» Коммо положил огрызок расчески в карман.

Хиус — легкая морозная поземка — раздувал костер, который поднимал высоко в небо красные острые языки пламени, игриво потрескивал, мерцая и освещая силуэты пасущихся оленей и аргиз. Стоя на корточках, старик набивал чайник снегом. Потом тяжело поднялся, взял ровную палку и хотел было воткнуть в снег. Так всегда делают в тундре: палку укрепляют у костра и на нее вешают чайник. Но Коммо остановил свое движение, потому что всегда, всю жизнь, при тысячах и тысячах кострах, палку направлял в ту сторону, куда он держал путь. Таков обычай, который строго соблюдают его соплеменники.

Старик стоял в замешательстве, опираясь на палку. Куда же направить ее? За всю свою жизнь он ни разу не задумывался над этим. Всегда все было ясно, только когда известна была дорога. Где теперь его дорога? Этот костер — последняя точка его. Здесь конец дороги. У всех есть своя последняя точка, конец пути. Только никто не знает, где именно. Но куда направляли палку у костра наши предки? У них уже не спросишь. Может, и они терзались над этим вопросом? А может, палку направляли в сторону дома. «Отец мой всю жизнь провел в чумах, а я вот поставил дом. Сейчас спят мои внуки и правнуки, которые утром, как всегда, будут резвиться и все перевернут вверх дном».

Старик скорее интуитивно, нежели по каким-либо признакам, определил, в какой стороне находится его дом, и с силой пробуравил снег палкой. Подставив под нее рогатку, он повесил чайник, выпрямился и вновь отправился за дровами.

Коммо время от времени подбрасывал в огонь ветки кедрача и вслух разговаривал с костром. То повышал голос, то говорил шепотом. С назиданием, как с ребенком. С почтением, как с уважаемым старцем. Порой пылающий огонь напоминал ему шамана, и он тогда исповедовался. «Мне ничуть не страшно. Я похож на умирающего одинокого волка, чьи следы всегда замечаются свежим снегом и поземкой. Моя перенюга — свежий след — надолго останется в тундре. Я всегда радовался, глядя на то, как дома растут дети, и в табуне — олени. Их следы никакая пурга не заметет. А это и мои следы, моя перенюга...»

С наслаждением он пил кипяток, едва касаясь губами горячих краев железной кружки. Ему хотелось пить еще и еще, словно он наверстывал упущенное. И чтобы не расстаться с жаждой, все ел соленую юколу. На какое-то время он почувствовал, что боли в ногах исчезли, и, может, от этого потянуло ко сну. Коммо притащил поближе к костру аргизу, лег на нее, укрывшись оленьей шкурой, и сразу же заснул.

Потрескивание костра далеко разносилось по ночной безмолвной тундре. Два оленя паслись чуть поодаль, нисколько не обращая внимания на треск костра.

Проснулся Коммо, когда уже было светло. Посмотрел на то место, где горел огонь, и тут же отвел взгляд. Вместо жаркого костра серый пятячок земли на белом фоне, как обсевок в поле. Дно закоптевшей снежной ямы было покрыто ровным слоем мертвой золы, от которой веяло пронизывающим холодом. «Какая все-таки жуткая вещь смерть. Какая холодная и некрасивая. Уродливая яма не что иное, как смерть прекрасного кос-

тра. Это все, что осталось от веселого, жаркого, доброго костра, который так похож и так непохож на человека».

Вдруг старика словно всего прожгло. Он лихо вскочил, будто кто подтолкнул его. Никаких болей в ногах не чувствовал. Может, и чувствовал, но ничего не замечал. Забыл о них, о ногах. Ему стало страшно от сравнения человека с костром, и в то же время он радовался в душе своему открытию. Человек и костер. Человек-костер. Это хорошо.

Он спешно подвел оленей к аргизе, стараясь не глядеть на золу, на обсевок, на смерть костра. Смерть своего последнего костра. Суетливо запряг оленей и стал туго привязывать свой нехитрый скарб к аргизе. «Подальше от этого места. Куда угодно. Но подальше от этого места». Коммо плюхнулся на аргизу и, усевшись боком, крикнул: «Та-а!» Олени резво рванулись вперед.

Коммо гнал упряжку остервенело. Он сидел, сильно накрепившись набок, так как олени мешали смотреть вперед. Аргиза стремительно неслась по кочковатой тундре, но старику хотелось ехать еще быстрее. Он не понимал, что происходит с ним. Гонял упряжку, не зная ни маршрута, ни цели. Он жаждал скорости. Встречный обжигающий ветер, мягкий топот оленей, тягучий скрип аргизы — все это навевало приятные воспоминания о гонках.

Ежегодно в разгар зимы на Севере проводятся своеобразные олимпийские игры, и в обширной спортивной программе олени гонки занимали самое почетное место. По традиции победитель гонок награждался самым главным призом Севера — белой важенкой. Он становится народным героем, и о нем слагают песни. Дети играют в любимого каюра, имя которого до следующих игр делается нарицательным. Тридцать лет подряд Коммо был неизменным чемпионом. Он получил тридцать белых важенок. Уже дети тех детей, которые три десятка лет назад болели за своего кумира, играли в любимого каюра, ставшего при жизни легендой. Да что там дети! Взрослые серьезные люди всякий раз, говоря о смелости, о ловкости, о силе, непременно упоминали имя северного чемпиона.

И вдруг Коммо не выходит на старт. Десять лет, как чемпионками становились другие, как белые важенки шли в другие табуны. И все эти десять лет Коммо старался не думать о гонках, не ворошить прошлое. Но сейчас старик в этой белой тихой тундре, где два резвых оленя, как ветер, несли его навстречу горизонту, не мог не вспомнить про чудесные, сказочные,

настоящие гонки, которые так часто и так щедро приносили ему счастливые мгновения.

Несколько раз старик падал в снег и после с большими трудностями добирался до удалившейся на изрядное расстояние упряжки. Каюр отчетливо слышал, как от скорости поет его душа, и он с наслаждением вслушивался в ее голос. Это была самая прекрасная музыка на свете. Он все яростнее гнал своих уже взмыленных оленей, на крутых виражах свисал, как яхтсмен, на одном борту аргизы, то и дело поглядывая назад, словно его настигал воображаемый противник.

Неожиданно олени, как сговорившись, резко затормозили, вонзаясь прямыми ногами в снег, и одновременно отпрянули в сторону. Старика так тряхнуло, что он упал в нескольких метрах от аргизы. «Волки! Сомнений нет. Я слишком хорошо знаю оленей. Волки...»

Коммо медленно выбирался из снега, вода своими крохотными глазами по сторонам, — искал волков. И увидел. Двоих. Они сидели друг подле друга на задних лапах. Это было совсем недалеко от упряжки, которая застряла в кедраче. Олени тревожно дергались. Качали головами, били копытами о снег, тщетно стараясь высвободить из плена перевернувшуюся аргизу.

Только когда старик извлек ружье из перевернутой аргизы, волки бросились врассыпную. Он выстрелил вдогонку и тут же, совсем как мальчишка, стал весело прыгать на месте. «Попал. Не наповал, но попал. Это точно. Коммо поставил аргизу на полозья, рванул ее с места и крикнул на оленей, надеясь, что они помогут ему догнать подранка, а может, и убить напарника. Но олени и слушать не хотели своего хозяина. Куда угодно, только не в ту сторону, где скрылись волки. Старик, убедившись, что оленей все равно не обманешь, вновь перевернул аргизу, давая им тем самым понять, что отсюда никуда нельзя уходить до его прихода. Сам надел на торбаса легкие деревянные снегоступы и отправился за волками.

Вскоре он обнаружил на снегу капли крови. Совсем недавно он с трепетом слушал, как поет душа бывшего чемпиона-гонщика, теперь вот точно такое же чувство, такая же музыка. Только на сей раз в нем пробудился знаменитый на всю округу охотник.

Коммо широко шагал, высоко поднимая снегоступы. Шел, ничуть не чувствуя одышки. Он боялся только одного — думать о ногах, которые перестали болеть. Боялся — сглазит. И еще боялся, что это сон. Ведь за десять лет он так часто видел во

сне, как охотится. С каждым шагом ноги несли его все быстрее и быстрее «Я должен догнать волка. Нельзя оставлять подранка со своей бедой в тундре. Это всегда грех. Животное будет мучиться перед смертью. Волк тоже человек. По следам можно определить, что ранен он в переднюю левую лапу».

Он всегда ценил волков. Всю жизнь бил их и всю жизнь ценил. Волк никогда не бросит товарища в беде. Вот и сейчас по следам видно, что подранок ковыляет сзади. Так легче. Здоровый, разгребая снег, открывает дорогу. А здесь они остановились. Подранок от усталости лег на снег и облизывал рану, а здоровый отошел чуть в сторону и сторожил. Кость, видать, перебита. Одной лапой совсем не касается снега...

Коммо догнал волков часа через два. Подранок часто падал на грудь, шлепаясь мордой в снег, с трудом вставал и, качаясь, бежал на трех ногах по очищенной товарищем дороге. Здоровый, чувствуя, что их нагоняет охотник, отбегал далеко вперед, потом останавливался, садился на задние лапы и с высунутым языком, переводя дыхание, дожидался раненого напарника. И так несколько раз. Расстояние между Коммо и волками все сокращалось. Вот уже осталось несколько метров. Подранок упал на грудь. Потом лег на бок, поглядывая назад, на человека. Он с силой дергался. Хотел подняться, но не мог. Здоровый, видя, что его товарищ не может встать, медленным вороватым шагом, рыча и скаля клыки, подходил к подранку.

Старик остановился, держа ружье наготове. «Обессилел. Слишком много крови потерял. Однако жалко его. Мучается. Надо быстрее прикончить». Коммо прицелился. Здоровый это заметил, мгновенно перепрыгнул через подранка и тут же присел, прикрывая товарища своим телом. Такую картину не раз приходилось видеть старику. Попробуй кинь палку или камень в волчат, если рядом находится волчица. Мать тут же закроет их телом, бросится навстречу палке, камню.

Коммо опустил ружье. Сделал шаг в сторону волков. Здоровый привстал. Ощерился. Коммо сделал еще один шаг. Здоровый зарычал, показывая свои желтые клыки, и протяжно завыл. «Я не хочу тебя убивать. Отойди в сторону. Не мешай. Дай пристрелить подранка. Не жилец он уже в тундре. Вон как ногу вывернуло. Отойди, прошу тебя добром. Поздно. Я не ожидал, что все так получится. Я хороший пастух и честный человек. Хороший пастух обязан стрелять в волка. Честный человек обязан пристрелить подранка. А вот тебя я не хочу и не могу убивать. Я хвалю тебя за твою преданность другу. Отойди».

Здоровый почему-то вдруг перестал выть. Перестал рычать и скалить зубы. Он как-то виновато смотрел то на человека, то на своего раненого товарища. Перемену в настроении здорового старик принял за предложение мира и смело зашагал к волкам.

То, что произошло в следующий миг, старика ничуть не удивило, хотя он не ожидал такой прыти от, казалось бы, загнанного волка. Здоровый прыгнул на Коммо с такой стремительностью и так высоко, что чуть было не перелетел через него. Человек и разъяренный волк упали на снег. Рядом, совсем рядом, лежал, скрючившись, другой волк и судорожно облизывал рану на ноге... «Какой глупый конец. Еще минуту назад, боясь сглазить, отгонял от себя радостную мысль, что смерть отступила».

Схватка с волком — это самый тяжелый и самый страшный бой. В газетах пишут только о тех встречах, в которых победителем выходит человек. Поэтому кажется, что всегда побеждает человек. Однажды Коммо уже приходилось драться с волком. Он был тогда молод и силен. Шрамов на теле осталось с тех пор изрядное количество. Досталось тогда и волку, хотя противнику все же удалось вырваться и удрать. После той схватки Коммо часто видел во сне поединок с волком. И все сны были похожи один на другой: он всегда отворачивал голову в сторону от раскрытой волчьей пасти. То, что можно засунуть руку в пасть волка, это уже сказки. И Коммо об этом знал хорошо.

Здоровый, схватившись крепкими клыками за край кухлянки, пятился назад, вода мордой по сторонам. И, оторвав клоч, норовил схватить в прыжке за другое место. Коммо все время отталкивался от своего противника полусогнутыми руками, ладонями защищая лицо. Снегоступы мешали ему быстро передвигаться и прыгать на месте. Но в то же время они ему помогали, когда он брыкался ногами. Иногда острым концом снегоступа попадал в бок противника. В какой-то момент старик всем телом своим резко оттолкнул от себя волка и успел вытащить из ножен паренский нож.

Он сжимал в кисти рукоятку с такой силой, словно хотел выгнать из себя страх. Здоровый вновь прыгнул на Коммо, который выставил нож впереди себя. Но волк даже не поцарапался. Вновь они завозились, и вновь Коммо, как тогда во сне, отворачивал лицо от волчьей пасти, закрываясь руками. Старик заметил, как подранок на брюхе подползает к ним. Но это его уже не волновало. Слишком медленно приближался обес-

силевший подранок на помощь своему товарищу, и слишком быстро осенила старика спасительная мысль.

Еще тогда, когда он оттолкнул Здорового и в следующую секунду принял на себя его могучий прыжок, еще тогда было решено: повторить такой же прием и встретить летящего волка прицельным ударом ножа. И Коммо со всей силой оттолкнул от себя Здорового, сам подался назад, еще крепче сжимая в руке нож. Взъерошенный волк, не успев коснуться земли, весь напрягся, как пружина, и бросился на противника. Старик этого и ждал.

Здоровый пронзительно завизжал, когда находился еще в воздухе. Тяжелый паренский нож вонзился ему в грудь по самую рукоятку. Здоровый камнем свалился на снег, задергался, жалобно скуля. Коммо перевел взгляд на подранка, который, завидя эту сцену, оцепенел от страха и со смертельной тоской в глазах смотрел не на умирающего товарища, а куда-то в сторону. Коммо оторвал висящий на тонкой жилке клочок от кухлянки и протер им нож. Он поднял с земли ружье и подошел вплотную к подранку, который исподлобья, весь дрожа, следил за каждым движением старика. «Мне жаль твоего друга. Он хотел спасти тебя. Он хороший человек. Мне жаль его. Но один из нас должен был погибнуть».

Подранок дышал тяжело и часто. Он совсем ослаб, и от большой потери крови его знобило. От этого же его мучила жажда, и он постоянно облизывал снег. «Прости меня. Тебе сейчас очень тяжело. Ты мучаешься. А живое на этой земле не должно мучиться. Это несправедливо. Живое или должно жить без мучений, или умереть сразу. Это справедливо». Раздался оглушительный выстрел, и волк перестал дрожать.

Отойдя метров десять, Коммо остановился, взглянул на красный пятачок — поле боя, на распластанных во весь рост окоченевших волков, уткнувшихся мордами в алый снег, с какой-то обидой махнул рукой и торопливо засеменял по уже набитой тропинке. «Олени. Надо спешить. Я сделал глупость. Напрасно перевернул аргизу. Если здесь появились эти волки, то могут появиться и другие. Плохо я сделал. Безрогие олени — это дети. Они не могут бороться. А тут еще на привязи. Надо спешить. Надо спасти их...»

Коммо шагал ровно и широко. Если бы кто еще вчера, еще утром сказал, что он сумеет пройти несколько часов без отдыха, без чаевки, то это было бы принято как издевательство над немощью умирающего старика. Но сейчас, бегая по кочкова-

той тундре и не замечая никакой боли в ногах, никакой одышки, старик не мог скрыть радости. Он не мог скрыть своей радости от себя, от тундры, от снега. Он спешил, чтобы поделиться своей радостью с оленями. Нет, он им не расскажет о том, что убил двух волков. Он только передаст оленям, что ноги перестали болеть, что он заново родился на свет, что теперь уже не расстанется с ними, не бросит их.

Олени молча стояли возле перевернутой аргизы. Заслышав шаги старика, они одновременно повернулись в его сторону. Последние метры Коммо бежал как на финишной прямой. Лицо его сияло от счастья. Он поочередно обнял своих друзей и, продолжая ласкать и гладить, стал распрягать их. Олени, почувствовав свободу, сразу же бросились подальше от кустарника в открытое поле и, понюхав снег, принялись разгребать его копытами. Вскоре показался зеленый ягель, и олени уже не поднимали головы.

Коммо вытащил аргизу из кедрача, поставил ее на полозья, разлегся и тут же заснул. Мертвую тишину тундры нарушали только удары оленьих копыт о стеклянный снег.

Проснулся старик среди ночи. Редко такое бывает, чтобы старый человек просыпался в хорошем расположении духа. Это только дети просыпаются бодрыми, непомятыми, веселыми. Коммо потрогал свои ноги, и его словно током ударило. Они у него сильно болели. Но он знал, это уже была не такая боль, которая мучила его в последние годы. Это была какая-то приятная боль, известная еще с юности, когда после длительных переходов, после гонок на оленьих и собачьих нартах, после борьбы на поясах, после бега с палкой сильно ломило и ныло все тело. Хорошая это боль. Какая-то веселая, песенная. Потрогаешь ноги — нестерпимо больно. Но от этой боли хочется смеяться и петь.

«Спасибо подранку. Он спас меня. Встретились мы врагами, а расстались друзьями. И Здоровому спасибо. Это он вселил в мое больное тело свой могучий дух. Я знаю, почему я восхищаюсь им. Я его победил. Это всегда так: придешь первым на гонках и после начинаешь по поводу и без повода восхвалять своих противников. Я никогда не был вторым и не знаю, как противник относится к первому. Но к Здоровому я отношусь с подлинным уважением... Я вспоминаю волков, а сам думаю о другом. Не знаю почему, но отгоняю от себя мысли об обычае предков...»

Чтобы отделаться от нахлынувших на него мыслей, Коммо в кромешной тьме стал запрягать оленей. Он решил оставить и это

место. Тундра только для заезжих гостей кажется однообразной. А для коряка это гигантский город с не похожими друг на друга улицами, домами, площадями, скверами. И Коммо не хотел, чтобы с рассветом ему бросилось в глаза то место, где вчера он встретил двух волков. А чтобы мысли пришли другие, нужно и место другое. Лучше все время находиться в движении.

Утро выдалось морозным. К восходу солнца слегка задул хиус. Встречный ветер обжигал лицо. Коммо увидел алое небо, нависшее над пологой сопкой. «Там океан. Я люблю наш океан. Я вчера несколько раз прощался с жизнью. Вспоминал многое, а вот об океане забыл. Если бы победила смерть, то, значит, я никогда больше не увидел бы нашего океана. Это было бы несправедливо...» Коммо от одной этой мысли закричал на всю тундру. Олени, привыкшие к ровному, строгому нраву хозяина, стали шарахаться из стороны в сторону. Они никак не могли понять, что хочет от них каюр. А каюр хотел только одного: чтобы упряжка мчалась навстречу солнцу, к океану. Олени галопом бежали по целинному снегу.

Над вершиной сопки наметилась красная кромка огненно-го шара, и длинные лучи вонзились в чистый, прозрачный морозный воздух. Старику показалось, что он летит над землей. От восходящего солнца, от встречного ветра, от жажды как можно быстрее встретиться с океаном у каюра захватывало дух. Но он не только мчался к океану, он убегал от мыслей, которые не хотели отстать от него. О чем бы он ни думал, скребущие за душу мысли лезли ему в голову. И Коммо понял, что расстаться с ними не сможет до тех пор, пока честно не выговорится сам перед собой, перед тундрой, перед оленями, перед солнцем, перед океаном.

«Будь честным до конца. Тебя же терзают сомнения. В тебе всегда сидели два человека. Они всегда боролись друг с другом, но уживались. А вот теперь отвернулись друг от друга. Одному стыдно перед другим. Кто-то из них оказался трусом. Но кто? Нужно это выяснить. А может, ты не прав? Может, ты несправедлив к ним? Никакой трусости не было. Ты просто терзаешься. И хочешь выяснить, отчего. Оттого ли, что решился на такой шаг, или оттого, что не сделал-таки этого самого шага. Свернул с дороги отцов. Нарушил обычай. Но свернул ли? Я ведь еще нахожусь в пути...»

Коммо стоял на берегу океана и вглядывался в далекий горизонт, над которым висел огненный диск солнца. Краски на диске переливались, и от этого казалось, что солнце качается.

И совсем не больно было смотреть на солнце, от которого сразу веяло и теплом, и холодом, и свежестью. Зато невозможно было встречаться с пылающей дорожкой, идущей от светила до самого берега. Словно мириады светящихся красных дисков были брошены в воду, выстроившись в один ровный ряд. Казалось, вода полыхает гигантскими кострами.

Над самой линией горизонта, там, где океан встречается с небом, медленно плавали многоцветные тучи. Такие тучи всегда предвещали перемену погоды. Коммо знал об этом лучше, чем кто-либо другой. Но думать о пурге он не хотел. Он всегда любил находить в тучах и облаках рисунки разных зверей. Чаще всего обнаруживал оленей. Вот и теперь он различил большого красного оленя на черном фоне. Чуть дальше от него увидел желтую аргизу. Потом нашел еще несколько таких же оленей и такие же аргизы. Все они передвигались, догоняли друг друга, как на гонках. Нет ничего прекраснее оленьих гонок. Это только со стороны кажется, что по тихой, безмолвной тундре медленно плывет легкая упряжка. А на самом деле так много чарующей музыки в беге оленей, в движении аргизы.

Коммо еще раз глянул на многоцветный океан, окаймленный у берега гигантскими ледяными торосами, перевел взгляд на горизонт, где огненные упряжки догоняли друг друга, резко повернулся и направился к аргизе. Он рванул с места нарту, поднял над головой остол, и олени сразу побежали на большой скорости.

«Я ни в чем не виноват. Я все сделал, как велит обычай предков. Но никто не знает, как уходили на тот свет наши предки: каждый уносил с собой свой секрет. Я ушел из села, потому что не мог смотреть, как меня жалеют люди, не хотел быть в тягость другим. Гордость погнала меня в тундру на встречу со смертью. Схватка состоялась. Я победил. Пока победил. Волк-подранок был неплохим человеком. Здоровый был неплохим человеком. Они помогли мне. Смерть отступила. Отступила, чтобы дать мне еще раз насладиться счастливым мигом победителя.

Я знаю: это начнется через два дня. Теперь молодежь носит часы, а я по ним не умею определять время. У меня всегда было свое время. Я точно знаю: еще два раза родится солнце, и в поселке начнется ярмарка. Начнутся спортивные игры и, конечно, оленьи гонки. Гордость погнала меня в тундру. Смерть отступила, и теперь тщеславие возвращает меня в село. Без тщеславия нет никакого интереса в жизни. У меня сейчас силь-

ные ноги, и я смогу взобраться на любую сопку. У меня самые сильные олени в округе... Я родился в страшную пургу. А сейчас такое затишье...»

В те январские дни поселок Хаилино напоминал древнюю Олимпию накануне открытия спортивных состязаний. В пятидесятиградусный мороз со всех сторон, со всех табунов по белой тундре спешили в Хаилино оленеводы. Никто не имеет права отменять состязания: ни семидесятиградусные морозы, ни камчатские ураганы. Такова традиция. И люди спешили.

Пятнадцать оленьих упряжек выстроились в ожидании команды стартера. Среди них была упряжка старика Коммо. На одной линии стояли тридцать оленей. Светлые, темные, пятнистые. Ни минуты спокойствия. Со стороны словно море колыхается. Рядом с каждой парой стоит каюр и, чтобы скрыть волнение, то и дело подтягивает многочисленные ремешки, проверяя их крепость. Волнуются и олени. Они часто поднимают и опускают свои жилистые ноги-свечи.

Коммо явно нервничал. Он снял меховую рукавицу и стал поочередно сжимать в ладони ледяные сосульки, висевшие из широких ноздрей оленей. Пальцами крошил крупинки льда. Так они быстрее таяли.

Стартер дал команду «приготовиться», и все каюры бросились к своим оленям. Коммо не суетился. Он все еще продолжал крошить сосульки, напоминающие гроздь винограда. К нему подбежал маленький мальчик в длинной кухлянке, который едва передвигался по мерзлому сыпучему снегу, так он был накутан. Старик поднял мальчика на руки, прижал к себе и тут же опустил на землю. Мальчик с веселым хохотом побежал к толпе. Кто-то вновь его поднял на руки, и мальчик прокричал: «Папилька». Коммо повернулся к мальчику, помахал ему рукой и широко улыбнулся, отчего его крохотные щелочки-глаза затерялись в многочисленных густых морщинках.

Команду «марш» дали как-то неожиданно. По крайней мере, не все аргизы двинулись с места одновременно. Сразу же вокруг стало шумно. Это пятнадцать каюров задорно голосили, подгоняли своих оленей. Зрители, одетые в яркие праздничные костюмы, сшитые из оленьей шкуры, презрев трескучий мороз, весело подбадривали каюров. Маленькие дети сразу же после старта, спотыкаясь о полы своих кухлянок, бежали по следам нарт, тщетно стараясь догнать их.

Дистанция сорок километров. В этом виде спорта никаких рекордов нет и быть не может. Эти сорок километров олени

могут пробежать часа за полтора. Но могут и за пять, а то и за сутки. Все зависит от наста, от погоды, от времени года. В такой вот мороз снег превращается в песок и напоминает высушенную соль. Никакого скольжения. Но неизменным всегда остается одно — спортивный азарт гонок. Ведь условия для всех всегда одинаковы.

До финиша еще было далеко, и зрители придумывали всякие игры. Непременно дождаться финиша — такова традиция, обычай. Никто не имеет права сбегать домой, чтобы малость погреться или перекусить. Ждать. Непременно дождаться. Но на таком морозе просто так стоять или просто так двигаться невозможно. Окоченеешь. Человека может спасти только стремительность. Кто-то бросил в воздух небольшой тряпичный пестрый мячик. И пошло! И пошло! За ним бегают все. Дети и взрослые, женщины и мужчины. Жуткий визг стоит кругом и хохот. Падают, встают, захлебываясь смехом.

Но весь этот сымпровизированный спектакль распался, как только кто-то крикнул: «Олени!» Толпа вмиг побежала к месту финиша. Все видели, как в туманном мареве бежит резвая упряжка, но определить каюра, покрытого густым слоем белого инея, никто не мог. Вдруг какой-то мальчишка пронзительно закричал: «Папилька! Папилька!» Все знали, что у этого мальчика папилька один — старый Коммо.

На небольшом снежном бугре, заменявшем пьедестал почета, стоял старый человек. Ему шел восьмой десяток. Толпа скандировала его имя, а он ничего уже не слышал. Старик был счастлив, и он стеснялся своего счастья. Двое парней подвели к чемпиону рогастого гордого оленя белой масти, который рвался из стороны в сторону, показывая свой свободолюбивый нрав. Но когда олень перешел в руки будущего хозяина, то вмиг как-то присмирел. Может, почувствовал ласку мудрого оленевода-пастуха, который, кроме всего прочего, знал, наверное, еще и язык олений.

Коммо стоял на снежном бугре, держа в руке конец, который был привязан к рогам белой важеньки. Он боялся сходить с горки. Вновь вернулись к нему стреляющие боли в ногах, вновь закололо в груди и стало тяжело дышать. «В тундру... Это конец, и я не могу испортить людям праздник... Да и по всему видно, приближается пурга. Моя последняя пурга. Мама была права». Он попросил, чтобы к нему подогнали его упряжку. Те же двое парней бросились выполнять просьбу старика, который все еще продолжал стоять на пьедестале почета. Его уже

качало, но никто никакой перемены в нем не замечал. Старик позвал внука, которого в честь деда тоже звали Коммо, передал ему чаут и объявил его хозяином белой важенки. Двое парней подвели упряжку. Коммо собрал все свои силы, слез с горки и уверенной походкой прошел к аргизе. Люди уступали ему дорогу. Коммо сел на аргизу, привычно поднял остол, и олени взяли с места в карьер. Односельчане махали ему малахаями, и старик им улыбался.

В ту ночь со стороны океана задул сильный ветер, неся с собой обильный снегопад. Тундра покрылась мраком. К утру разыгралась страшная пурга...